

Древнегреческая «психология» как ранняя форма осмысления феномена сознания

Ancient Greek "psychology" as an early form of conceptualisation of the phenomenon of mind

Кулинич И.А.

аспирант кафедры философии, Курский Государственный Университет
e-mail: johnemaro@gmail.com

Kulinich I.A.

postgraduate student of Philosophy department, Kursk State University
e-mail: johnemaro@gmail.com

Аннотация

В статье прослеживается, как философия еще со времен античности пыталась осмыслить природу ментального или души, в ее тогдашнем понимании. Автор показывает, что уже древнегреческие философы в своих «психологических» учениях задумывались о специфике ментального, о соотношении души и тела, формулируя различные теории, которые автором на основе предложенной в контексте статьи классификации разделяются на «монистические» и «дуалистические». Несмотря на использование иной категориальной системы и фокусировку на других вопросах, греки предложили одни из первых теорий ментального, некоторые идеи которых предвосхищали последующие дискуссии о природе сознания. Делается вывод о том, что тематика ментального присутствовала в философии с самого начала, пусть и в зачаточной, исторически обусловленной форме. Древнегреческие представления о душе можно рассматривать как ранние попытки концептуализировать уникальный феномен человеческого существования, который впоследствии получит название «сознание», как предварение более зрелых форм осмысления ментального.

Ключевые слова: сознание; ментальное; душа; античность; Платон; Аристотель; досократики.

Abstract: The article traces how philosophy since antiquity has been trying to conceptualise the nature of the mental, or soul, as it was then understood. The author shows that already ancient Greek philosophers in their «psychological» doctrines thought about the specificity of the mental, about the correlation between the soul and the body, formulating various theories, which the author divides into “monistic” and “dualistic” on the basis of the classification proposed in the context of the article. Despite using a different categorical system and focusing on other issues, the Greeks proposed some of the first theories of the mental, some ideas of which anticipated subsequent discussions of the nature of mind. It is concluded that the subject of the mental was present in philosophy from the very beginning, albeit in an embryonic, historically conditioned form. Ancient Greek ideas about the soul can be regarded as early attempts to conceptualise the unique phenomenon of human existence, which would later be called «mind», as a precursor to more mature forms of comprehension of the mental.

Keywords: mind; mental; soul; antiquity; Plato; Aristotle; pre-Socratics.

Сфере ментального на данный момент посвящено бесконечное множество разнообразных исследований, от статей различного объема, до фундаментальных работ в духе «Объяснённого сознания» [1] Дэниела Деннета или «Сознающего ума» [2] Дэвида Чалмерса. В этих работах рассматриваются самые различные вопросы фундаментального характера: об определении сознания, о его онтологическом статусе, его соотношении с мышлением, памятью, чувственностью, знанием, телом, бытием и т.д., о феноменальном опыте, об интенциональности и о мн. др. Феномену ментального в самых различных его аспектах в рамках современной аналитической философии посвящена полноценная философская дисциплина – так называемая «философия сознания» (*philosophy of mind*), на протяжении определенного периода представлявшая собой наиболее приоритетное направление исследований, однако даже с определенным спадом в исследовательском интересе к настоящему времени остающаяся одним из самых актуальных. В рамках марксистской философии и сохраняющей её определенное влияние современной отечественной философии вопросы о соотношении сознания с материей, мышления с бытием, духа с природой и вовсе часто принимаются в качестве так называемого «основного вопроса философии» [3]. Постигание человеческого ума, со всей его фундаментальной ролью в нашем существовании и при этом пресловутой ускользающей природой как объекта строгого научного изучения, в настоящее время является одной из главных целей вопрошания как философии, так и великого множества иных наук.

Однако при этом подобная форма многоаспектного рассмотрения сознания, во всём её богатстве понятий, проблем и подходов, является явлением относительно недавним, полноценно оформившись в качестве специальной сферы философских исследований лишь в середине XX в. Даже в случае более «щедро» настроенных исследователей генеалогия современных форм рассмотрения сознания, как правило, возводится к философии Нового времени, в связи с тем, что именно в этот период происходит понятийное оформление понимания специфики сознания и ментальных феноменов, их категорического отличия от прочих явлений, в явной форме ставится проблема соотношения сознания с телом.

В этой связи может возникнуть вполне закономерный вопрос: неужели сфера ментального до того момента избегала внимания философов? Как может засвидетельствовать даже не обязательно глубокое знакомство с историей философии, на этот вопрос нельзя ответить утвердительно. В самом деле, как мы будем утверждать здесь, тематика сознания и ментальных феноменов в тех или иных формах обсуждалась фактически с наиболее ранних этапов существования философии как таковой в качестве особого способа мирозерцания.

Примером, рассматриваемым здесь, является философия Древней Греции. Этим ранним мыслителям нельзя назвать «философами сознания» ни в современном смысле, ни в более широком смысле рассуждений в русле западноевропейской философии с периода Нового времени – категории в которых мыслили древние греки и интересовавшие их внимания вопросы были крайне отличны. Однако можно утверждать, что «философия сознания» присутствовала в их построениях *имплицитно* – будучи вплетённой в их «психологические» построения.

Под «психологией» в рамках их рассуждений мы понимаем далеко не психологию в её современном смысле, этими ранними мыслителями она представляется в качестве учения о том, что отделяет живое от неживого – душе (*ψυχή*/психее), понимаемой как основополагающий принцип жизни как таковой, и которым, соответственно, как полагалось, обладало всё живое. Как следствие, рассуждения о природе души всегда сопровождалась рассуждениями о природе живых существ.

Этим обстоятельством было обусловлено то, что мы можем увидеть в их рассуждениях о душе суждения, которые для современного читателя весьма странно.

Так, к примеру, принимая размножение, рост и питание в качестве сущностных характеристик живых существ, некоторые из натурфилософов приходят к выводу о том, что душой, помимо людей и животных, должны обладать и люди. Ещё более эксцентрично для многих современных исследователей будет выглядеть и то, что ««определенные ранние философы считали, что причина желания, восприятия и мышления та же, что и причина питания, размножения и роста: причиной является просто и ясно душа. Не рассматривая возможность функциональной таксономии живых существ или типов (или аспектов) души, эти философы делают вывод, что все, что имеет душу, должно мыслить, воспринимать, желать и переваривать» [4, р. 4]. Категории «живого» и «одушевленного» может ими трактоваться даже ещё более широко, как, к примеру, в случае Фалеса, по утверждениям Аристотеля, считавшего магниты одушевлёнными в связи с определением им «души» как источника всех движений или Анаксимена, провозгласившего всю материю как таковую живой и, тем самым, одушевленной.

Подобные взгляды, несомненно, весьма наивны и в эмпирическом плане плохо проинформированы. Однако именно в этих наивных построениях мы находим одни из первых попыток философского осмысления сознания.

Самые ранние из этих попыток, как правило, характерно чрезмерно широки и общи, не обращая внимание на множество проблем из тех, которые для современного философского дискурса сознания являются ключевыми. Основными вопросами, которые приводили досократических философов к соприкосновению с сферой современных размышлений о сознании были проблемы того, какова природа души и продолжает ли она своё существование после смерти тела. В случаях, когда они затрагивают решения, к примеру, проблемы онтологического статуса сознания, они зачастую оказываются довольно поверхностными. Так, например: «Анаксимен утверждает: «наша душа, ... которая есть воздух, управляет нами». Однако, нет никаких свидетельств того, что Анаксимен рассматривает вопрос о том, как воздух может управлять телом» [4, с. 1]. Тем не менее уже в этих подходах мы находим ряд крайне важных идей – большинство досократических мыслителей понимают душу как некую сущность, отличную от тела, и идентифицируемую с неким материальным началом, как правило, так или иначе связанным со стихиями огня или воздуха.

Более того, у некоторых из философов, причисляемых к досократикам, среди их обсуждений темы возможности человеческого знания, мы уже обнаруживаем размышления о ощущениях, их механизмах, о природе мышления и познавательных способностей. Так, Парменид различает два пути к достижению знания: первый опирается на использование сенсорного восприятия; второй основан на человеческой способности мыслить и рассуждать. Из них Парменид признает лишь второй как подлинную когницию. У Анаксагора, согласно Теофрасту, мы находим попытку объяснить механизмы чувственных восприятий: «Те животные, у которых большие, ясные, яркие глаза, видят большие и далекие предметы; у животных с маленькими глазами все наоборот. То же самое происходит и со слухом. Крупные животные слышат большие и далекие предметы, в то время как маленькие ускользают от них, а маленькие животные слышат маленькие и близкие предметы. То же самое происходит и с обонянием: разреженный воздух имеет больше запаха, поскольку воздух приобретает запах при нагревании и разрежении. Когда крупное животное вдыхает, оно вдыхает и редкий, и густой запах, но мелкое животное втягивает редкий запах само по себе; поэтому крупные животные воспринимают больше» [5, с. 119]. Демокрит предлагает описание механизмов восприятия и мышления: восприятие им объяснялось некими «истечений» от тел, соприкасающимися с органами чувств; душу, согласно некоторым свидетельствам, Демокрит представ-

лял в качестве своеобразной паутины крайне тонких атомов – мышление, тем самым, представляло собой некую форму движения атомов. Одна идея Демокрита представляет собой особый интерес: качества, данные нам в восприятии, в отличие от атомов и пустоты, он объявляет не существующими в действительности – воспринимаемые качества формируются в ходе самого акта восприятия.

С течением времени представления о душе (а с ней, и о том, что мы называем сознанием) в философии Античности постепенно усложняются. В качестве символической вехи можно рассматривать пифагорейского мыслителя Филолая. Филолай одним из первых начинает проводить различие между видами живых существ и соответствующими типами (или аспектами) души: «Для Филолая, способности к мышлению, желанию и воспроизведения находятся в разных частях тела. Кроме того, Филолай утверждает, что эти способности не одинаково распределены между живыми организмами: он считает, что воспроизводство является общим для всех живые существа, в то время как желание свойственно только животным (и людям), а мышление присуще только людям» [4, с. 5]. Античная философия переходит к исследованию конкретных психологических и умственных способностей с их различными аспектами. Так, Аристотель, развивая идеи Филолая, считает, что вкус и осязание отделены от других перцептивных модальностей, утверждая, что ими обладают все животные, в то время как зрение, слух и обоняние являются способностями лишь определенных видов. Далее Аристотель начинает обсуждать, к примеру, являются ли память и воображение способностями, общими для всех животных.

Со смещением фокуса философы Античности начинают формулировать более детальные решения проблем природы души и её соотношения с телом. Теории, выдвинутые в этот период, крайне различны, однако в целях удобства эти подходы будут характеризоваться в общих чертах рамках двух категорий: «монистические» и «дуалистические». Несмотря на использование современной терминологии, используемой в современном дискурсе о подходах к решению психофизической проблемы, а также определенное созвучие самих вопросов с этой же проблемой, стоит отметить, что это не влечёт за собой с необходимостью утверждение того, что философы Античности рассматривали ту же проблему, что и западноевропейские философы с Нового времени.

«Монистическими» подходами в данном контексте называются те, которые утверждают, что душа каузально или онтологически зависима или со-зависима от тела, и, тем самым, душа не может быть полноценно рассмотрена в отрыве от тела. В диалоге Платона «Федр» один вариант монистической теории разновидность монизма излагается Симмием: «наиболее частый взгляд на душу таков: если наше тело связывают и держат в натяжении тепло, холод, сухость, влажность и некоторые иные, подобные им, [начала], то душа наша есть сочетание и гармония этих [начал], когда они хорошо и соразмерно смешаны друг с другом» [6, с. 53-54]. В этой «теории гармонии», по всей видимости, утверждается, что душа не является самостоятельной субстанцией, а лишь побочным эффектом правильно структурированного и настроенного тела. Характеристики, которые мы приписываем душе, на самом деле принадлежат телу. Душа, тем самым, есть единое целое с живым телом.

Другой вариант монизма представляет собой «гилеморфизм», который мы обнаруживаем в философии Аристотеля. Душа, согласно Аристотелю, не является самостоятельной субстанцией, а особой организацией для функционирования тела – его энтелехией. Для него душа и тело это корреляты, образующие психофизическое единство – тело это материя, оформленная душой, а душа это форма живого тела. «Потому и не следует спрашивать, есть ли душа и тело нечто единое, как не следует это спрашивать ни относительно воска и отпечатка на нем, ни вообще относительно

любой материи и того, материя чего она есть. Ведь хотя единое и бытие имеют разные значения, но энтелехия есть единое и бытие в собственном смысле.» [7, с. 395] Тем самым, у Аристотеля «по своему понятию, душа и тело – две вещи разные, но по своему существованию они нераздельны, подобно тому, как нераздельны глаза и зрение» [8, с. 331]. В своей таксономии души выделяет три её вида: растительную, животную и разумную. Каждой из них Аристотель приписывает свои функции: первая отвечает за способности к питанию и размножению; вторая – за сенсорные способности: зрение, слух, вкус, обоняние, осязание, а также внутренние чувства воображения и памяти; третья же за интеллект – способности к пониманию, утверждению и дискурсивному мышлению.

Под «дуалистическими» теориями, в свою очередь, в данном контексте подразумеваются те, которые отвергают представление о том, что тело и душа тесно взаимосвязаны или взаимозависимы. Согласно этому подходу, тело и душа имеют лишь слабую связь и, таким образом, душа поддается определению в отрыве от тела. Среди этих концепций можно выделить два основных варианта дуализма. Принадлежащие к первому, хотя и различающиеся между собой по степени утонченности и сложности, разделяют один основополагающий постулат – душа и тело являются отличными от друг друга материальными субстанциями. Это дуализм материя/материя. Учения о душе ранее упомянутых досократических мыслителей, как правило, принадлежат именно к этой категории. Лукреций, представитель эпикуреизма, считал душу смесью воздуха, ветра, тепла и некоего таинственного иного типа материи. Для представителей стоицизма, душа состояла из одной из трёх форм пневмы – фундаментальной вселенской силы, организующей материю.

Второй вариант предлагает дуализм нематериальное/материальное. Самым известным представителем этого подхода в Античности является, несомненно, Платон. В диалоге «Федон» Платон устами Сократа проводит строгое разделение между материальной, видимой оболочкой человека, телом, обречённым на разделение и разрушение, и его душой, невидимой, нематериальной, неделимой и неразрушимой субстанцией, здесь «душа – вечное, имматериальное существо, на которое влияет враждебное ее природе тело; внутрь ее проникают злые влияния тела, от него приходят к ней безумие и страсти. Сущность души – чистая сила мышления» [8, с. 331] Однако в «Государстве» Платон по всей видимости, пересматривает свои представления о неделимости души, выделяя в ней три начала: разумное, яростное и страстное. Плотин, основоположник неоплатонизма, развивал аргументацию позиции, высказанной в «Федоне», того, что душа – это нетелесное единство: «Аргументы Плотина основаны на размышлениях о ключевых характеристиках нашей познавательной жизни. Он настаивает, к примеру, что единство перцептивного сознания – единство обнаружимое в когнитивном восприятии одного объекта как, скажем, одновременно сладкого и белого – возможно лишить если душа является неделимым и нематериальным единством» [5, с. 7-8].

В свете вышеприведённого обзора ряда «психологических» концепций античности, как надеется автор, тезис о том, что имплицитным образом тематика сознания рассматривалась уже в античности выглядит весьма обоснованным. Тем не менее можно возразить, что даже если в древнегреческих учениях о душе действительно в сущности осмысливался феномен сознания, это вовсе не влечёт за собой их родства с современным дискурсом о сознании. Действительно, к примеру, категориальный аппарат, использовавшийся в размышлениях над этой сферой, зачастую был совершенно иной. Схожим образом дело обстоит и с вопросами – те, которые сейчас видятся центральными, ранее могли не рассматриваться вовсе, а те, которые стояли в центре внимания, ныне могут игнорироваться. Кажущиеся сходства с последующими концепциями в самом деле могут оказаться лишь результатом поверх-

ностного рассмотрения и не свидетельством действительной идейной преемственности. Однако подобная оценка исходила бы из предубеждения, что мы должны мы пытаться найти современную философию в том, как говорили о наши предшественники. Как кажется автору, это было бы ошибочным подходом. Философский дискурс во многом формируется своим специфическим временем и контекстом, поэтому определенная прерывистость по отношению к последующим обсуждениям, возникающим уже в ином контексте, будет наблюдаться всегда. С такой точки зрения древнегреческая «психология» может быть понята как ранняя, исторически обусловленная и относительно понятийно незрелая форма осмысления сознания как феномена. Тем не менее даже в этом случае античная категория души представляется как в некоторых аспектах предварающая и предвосхищающая более поздние и более зрелые формы, фиксируя некое видимое фундаментальное категориальное отличие, обнаруживаемое в области ментального, сущностно связанной с процессами рассматриваемой в качестве центрального, отличительного аспекта человеческого существования, на основании которого ментальные явления могут быть принадлежащими к категории, отличной от явлений физических, тем самым ставя проблему их соотношения.

Литература

1. *Dennett D.* Consciousness Explained. – New York: Little, Brown and Co. 1991. – 511 с.
2. *Чалмерс Д.* Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории/Пер. с англ. д-ра филос. наук, проф. ВВ Васильева – М.: УРСС: КД «ЛИБРОКОМ» 2013. – 512 с.
3. Основной вопрос философии // Краткий философский словарь / Под редакцией М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. – Издание четвертое, дополненное и исправленное. – М. : Политиздат, 1955. – С. 427—429
4. *Sisko J. E.* (ed.). Philosophy of Mind in Antiquity. – Routledge, Taylor & Francis Group, 2019. – 320 с.
5. *Anaxagoras of Clazomenae: Fragments and Testimonia: a text and translation with notes and essays.* – University of Toronto Press, 2007. – 298 с.
6. *Платон*, Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 626 с.
7. *Аристотель*, Сочинения в четырех томах. Том 1 / Ред. В.Ф.Асмус. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
8. *Обидина Ю. С.* Эволюция представлений о природе души в древнегреческом сознании //Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. – 2008. – №. 6. – С. 328-332.
9. *Стогова В. С., Акимова Н. А.* Проблема души в философии древних греков //Евразийское Научное Объединение. – 2020. – №. 5-5. – С. 350-352.